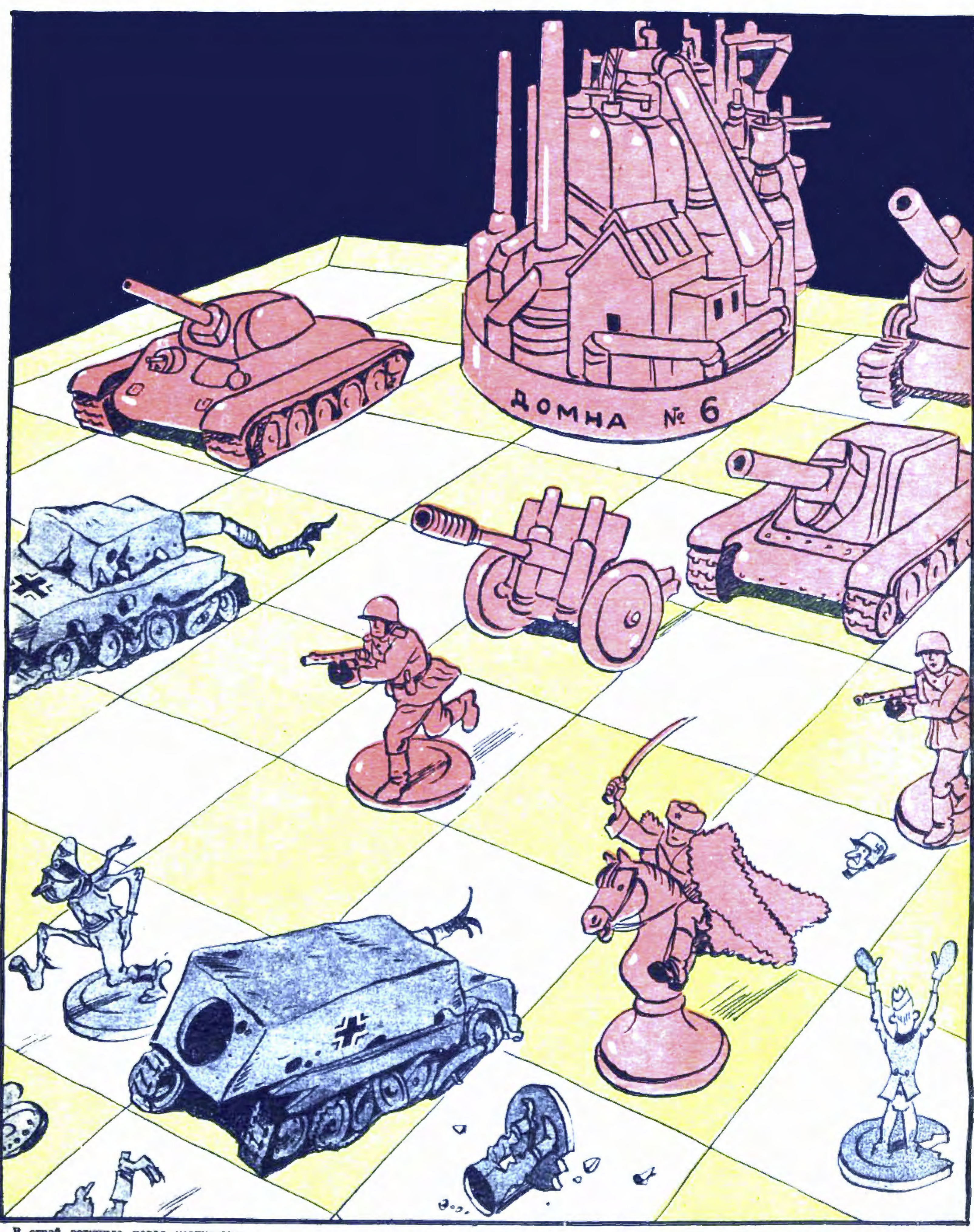
КРОКОДИЛ

№ 1 МОСКВА 1944 ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXIII ЦЕНА НОМЕРА — 40 КОП.

В строй вступила новая магнитогорская домна № 6.

Рис. Бор. Ефимова

В борьбу введена новая фигура.

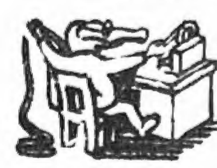
Рис. К. Елисеева

ПОСЛЕ ХАРЬКОВСКОГО ПРОЦЕССА

Продолжение скамьи подсудимых следует...

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

БЕРЛИН. В сводке германского верховного командования сказано: «В боях под Сарнами мы отбили все атаки русских. Части Красной Армии в панике бегут за нами».

—о—

ЖЕНЕВА. В немецкой газете «Ангриф» опубликовано следующее объявление германского командования: «Под Витебском германской армией было утеряно большое количество «тигров», «фердинандов» и фрицев. Просьба считать их недействительными».

—о—

СТОКГОЛЬМ. По полученным здесь сведениям, Гитлер в связи с последними воздушными налётами на Германию разрешился от Бремена.

—о—

ХЕЛЬСИНКИ. За последние два месяца жителям Хельсинки не было выдано никаких продуктов питания. В знак протеста население финской столицы объявило голодовку.

—о—

БЕРЛИН. Германское морское министерство сообщает, что в своём последнем бою линейный корабль «Шарнгорст» применил новый тактический приём. Быстро погрузившись, линкор вытеснил 26 тысяч тонн воды, которая обрушилась на наших противников.

—о—

БЕРЛИН. Министерство пропаганды сняло с репертуара пьесу Шекспира «Как вам это понравится?», потому что в названии этой пьесы усматривается недопустимый намёк на положение германской армии на Восточном фронте.

—о—

МИНСК. Как сообщает газета «Минскер цейтунг», последние дни были ознаменованы новым крушением надежд германских «карателей» на поимку партизанского отряда товарища К. Вместе с надеждами при крушении рухнули железнодорожный мост и два воинских эшелона.

Неудобный календарь

ЧИНОВНИК немецкого министерства пропаганды, заканчивая свой доклад у Геббельса, почтительно кашлянул и сказал:

— Осмелюсь напомнить, герр рейхсминистр: теперь — январь месяц.

— Знаю,— отозвался Геббельс.

— Нет, я к тому, что теперь — зима.

— Вижу.

— Нет, я к тому, что вы мне летом ещё приказали напомнить, когда будет зима...

— Ага!.. А не помните: к чему это я тогда?

— Как же, помню-с. Вы изволили выступить летом — акурат в то время, когда наши войска бежа... держали эластичную оборону под Орлом. И, выступая, вы изволили заявить, герр рейхсминистр, что в этом году немецкие войска меняют свой план: летом, мол, наступают русские, а зимой — уже будем мы...

— Ага! Что-то припоминаю. Ну и что же?

— Как что? Вот она, зима. Пришла.

— Ну, и что?

— Неудобно, герр рейхсминистр. Вы же заявляли, что зимой мы будем наступать...

— Это верно. Как же быть? Придётся объявить теперь, что зимою наступают русские, а летом — мы...

— Не поверят. Это самое вы говорили прошлой зимой, а летом русские ка-ак рванули!..

— Да, да. Знаю. Тогда скажем, что зимою наступают русские, а весною — уже мы...

— Сомнительно. Весна — короткое время года. И потом — слякотно весною.

— Да, пожалуй... Тогда так: летом и зимою наступают русские, а осенью — уж мы!..

— Ещё хуже. Осенью грязь... И потом, последние два года осенью наступали русские.

— Ага. Тогда... Какие ещё бывают времена года?

— Четыре: лето, зима, осень, весна.

— Гм-м... Экий, понимаешь, календарь неудобный. Прямо негде наступать!..

— Да уж, календарь так себе...

— Значит, осень не годится.. Лето они себе оторвали — русские... Гм... А что если войти с ходатайством к фюреру, чтобы сделать свой календарь?.. Пятое время года ввести. И в это время проводить наступление. А?

— Можно, конечно. А вдруг мы и в это время не начнём наступать?

— Милый!.. Нам главное — оттянуть хоть немного. А потом ещё что-нибудь придумаем. И потом, можно будет это пятое время приурочить, скажем, только к високосным годам. Понимаешь? Выйдет — раз в четыре года мы обязаны наступать.

— Да, но сорок четвёртый год акурат високосный...

— Да? Это неприятно. Гм... Знаете что?

— Нет.

— Ступайте вы к чорту!

В. АРДОВ

Рис. И. Семёнова

Луна спокойно (с 4 января 1944 года) с высоты над Белой Церковью сияет.

После отбоя

Берлин. Шесть часов утра. Бомбёжка кончилась два часа назад, но в полицейском участке до сих пор царит такая суматоха, как будто здесь только что обнаружили бомбу замедленного действия. Впрочем, это естественно. Оказывается, тяжёлые бомбы потрясают не только здания, но и самые устои. И у полицейских хлопот полон рот.

Начальник участка уже две ночи не спит. От бессонницы глаза его, которые он насильно держит открытыми, стали круглыми и невыразительными, как у карася. Он уставился этими круглыми глазами на девицу Анни Притц и тщетно пытается уловить сущность её жалобы.

Девица Анни Притц, судя по её рукам, лицу и шее, представляет собой нескладный сорокатрёхлетний скелет, обмотанный жилами и засунутый в желтоватую, местами напудренную и подкрашенную кожу. Она обвиняет стоящего рядом Отто Шонгера в том, что он минувшей ночью проник к ней и, пользуясь, с одной стороны, её беззащитностью, а с другой стороны, общим смятением, вызванным бомбардировкой, пытался посягнуть на её честь.

— Он так и сказал,— показывает потерпевшая: — «Можете кричать, можете делать, что хотите, но я отсюда не уйду».

— Вы это сказали?— спрашивает начальник участка у Шонгера.

— Сказал,— признаётся обвиняемый, пожилой, крайне нервный мужчина.

При этом он вытирает платком большую лысину и игриво подмигивает. Поймав негодующий взгляд начальника, он спешит объяснить своё поведение:

— Пожалуйста, не обращайте внимания, господин начальник. Я не подмигиваю. Это у меня всегда так.

— Что значит «так»?

— Тик.

Начальник тупо смотрит на Шонгера. Он сейчас с трудом соображает.

— Тик-так — часы какие-то,— недовольно бормочет он.— Где живёте, обвиняемый?

— В этом... В бомбохранилище. Нет, простите, в овощеубежище. То есть в бомбоубежище, которое в овощехранилище. Извините, у меня что-то с памятью.

Обвиняемый смущённо улыбается и, виновато подмигнув, опять вытирает лысину. Начальник смотрит на него с недоверием:

— Не притворяйтесь сумасшедшим, это вам не поможет. На какой улице живёте?

— На унтер ден Фридрих.

— Что?

— То есть, я хотел сказать: Унтер ден штрассе. То есть на Фридрихштрассе.

— Номер?

— Семнадцать.

— Этаж?

— Этажа теперь уже нет.

— Какого этажа нет?

— Никакого нет. И дома тоже нет.

— Так какого же чорта вы называете номер?

— Номер случайно сохранился. Как раз кусочек стены и номер...

Начальник участка сжимает виски. Он явно обалдевает. Воспалённые глаза его останавливаются на истице.

— Скажите, потерпевшая, из чего вы заключаете, что Шонгер ворвался к вам именно с целью посягнуть на вашу честь, а, скажем, не с целью грабежа?

— Я судила по его виду, господин начальник.

— Скажите, фрейлейн Притц, чего вы требуете?

Девица Притц прячет острый нос в платок и очень натурально изображает всхлипывание. Сквозь бульканье начальнику участка удаётся разобрать, что она женщина одинокая и беззащитная, что она оскорблена, что её последний жених неделю назад призван в армию и за неё некому заступиться. Одним словом, она требует, чтобы обвиняемый на ней женился.

При этих словах Шонгер бледнеет:

— Нет, нет! Лучше уж в тюрьму!

В связи с таким требованием истицы начальник считает необходимым уточнить обстоятельства:

— Скажите, потерпевшая, он действительно посягнул на вашу честь или только пытался?

Потерпевшая тяжело вздыхает:

— В том-то и дело, что нет. Он не успел. Он сбежал.

В тоне её слышится явное сожаление.

— Почему вы убежали? — спрашивает начальник у Шонгера.

— Потому что был отбой,— отвечает обвиняемый.

Дело явно запутывается. Начальник решает вести следствие напрямик.

— Слушайте, скажите, откровенно: зачем вы явились к истице?

— Я спасался от бомбёжки, господин начальник. Я кинулся в первый попавшийся подвал. Я не знал, что там кто-то есть.

— Это неправда!— взвизгивает девица Притц.— Он мог спрятаться в убежище, а не лезть в частную квартиру.

— При чём тут квартира?— удивляется Шонгер.— Это же было убежище!

— Это моя квартира. Вы были так заняты своими гнусными планами, что даже не заметили мебели.

— Какой мебели?

— Всякой. Диван, шкаф, кровать, кресло...

— Это всё у вас есть? И всё цело?

— Конечно. У меня, слава богу, квартира в подвале и...

Но она не успевает договорить. Восторженно подмигивая, обвиняемый бросается к столу начальника:

— Всё в порядке! Можете прекращать дело. Я на ней женюсь! Она как раз то, о чём я мечтаю — сухая, неприступная, самая верная в наше время.

— Кто? Фрейлейн Притц?

— Нет, господин начальник, квартира!

И прежде чем начальник успевает сообразить, что инцидент исчерпан, ответчик берёт под руку истицу и выходит на улицу.

А на улице им поют сирены.

М. СЛОБОДСКОЙ

Рис. Л. Бродаты

Ясно, как в зеркале.

ЧТО РУССКОМУ ЗДОРОВО, ТО НЕМЦУ СМЕРТЬ

Весной у немца-супостата
Не на цветочки смотрит глаз:
Где русский скажет: — Сыровато,—
Там немец вскрикнет: — Ой, увяз!..

Июльский полдень разгорелся,
От солнца — сноп горячих стрел.
Где русский молвит:— Отогрелся,—
Там немец пискнет:— Ой, сгорел!..

Сентябрь несёт и грязь и стужу,
Дождей осенних пелену.
Где русский, крякнув, скажет:— Сдюжу! —
Там немец взвизгнет: — Ой, тону!..

Зимою лес одет нарядно,
В ветвях седой, бобровый ворс.
Где русский вымолвит: — Прохладно!—
Там немец взвоет: — Ой, замёрз!..

Пусть лето жарко, осень мглиста,
Зимою пусть мороз трещит.
Где русский выстрелит в фашиста
Там немец, мёртвый, замолчит...

А. РЕЗАПКИН

Рис. А. Каневского

Сеанс одновременной игры.

ОБРАТНАЯ ПРОФЕССИЯ

ОНИ встретились в приёмной председателя исполкома области, недавно освобождённой от врага. Все трое были вызваны по одному делу и с интересом приглядывались друг к другу.

— Простите, вы случайно не железнодорожник? — завязал разговор один из ожидавших, человек средних лет, в пенсне на тонкой цепочке, акуратно заправленной за ухо.

— Точно! — обрадованно кивнул головой его сосед. — Машинист... И как это вы сразу догадались?

— Хорошая профессия! — сказал человек в пенсне. — Должно быть, отличились по части вождения тяжеловесных поездов?

— Какое там! — железнодорожник махнул рукой.— В последнее время у меня была обратная профессия.

— Да? — недоуменно протянул человек в пенсне.

— Я эти самые... поезда больше под откос пускал.

Затем железнодорожник в свою очередь обратился к соседу:

— А вы кто будете?

— Инженер.

— Хорошая профессия! — одобрительно кивнул головой машинист. — Машины делали или, может, мосты строили?

— Мосты! Но в последнее время, пожалуй, больше разрушать их приходилось.

Железнодорожник посмотрел на него сочувственно:

— Так... Значит, у вас тоже обратная профессия.

В разговор вмешался третий из присутствующих:

— Выходит, что одному мне довелось работать по настоящей профессии.. Эх, ребята, и дела были! Часовых чик-чирик, гранатами угостишь, огонька автоматного подсыплешь, заваришь кашу, такой немцам устроишь компот — и поминай как звали!

— Позвольте! — инженер даже привстал со стула.— Гранаты, каша, компот... Да кто вы такой?

— Я-то? — третий собеседник расплылся в широкой улыбке: — Повар я по специальности. А в последнее время кашевар энского...

Скрипнула дверь. Вошёл секретарь и всех троих пригласил в зал заседаний. Новые знакомые отправились получать награды за партизанскую работу в немецком тылу.

О. РИСС

Действующая армия.

ГОНЧАРИВЦЫ

— 42-й год моя дочка встретила в тылу у немцев.
— Где?
— В селе Гончаривцы на Украине. А 43-й год она встретила на фронте.
— Где?
— В селе Гончаривцы на Украине. А вот 44-й год она встречает в глубоком тылу.
— Где?
— В селе Гончаривцы на Украине.

Вавилон

ССОРА с женой выгнала Петера Мюллера на прогулку. Мюллера трясло от злобы. Вчера английская бомба разнесла цех эрзацваленок на его фабрике, а сегодня, возвратясь домой, он опять застал в комнате жены Жана Кру. Когда-то, прельстясь его дипломом баккалавра изящных искусств парижской Сорбонны, Мюллер взял этого француза из лагеря военнопленных к себе в дворники. Но дворник должен быть на дворе, а не в будуаре, с глазу на глаз с женой хозяина. И вот, когда хозяин на него прикрикнул, Жан Кру лениво встал, а жена, как ветер, сорвалась с козетки и запустила в лысину Петера Мюллера гипсовый бюст Адольфа Гитлера. Мюллер в панике отступил на улицу, отряхая с головы прах фюрера.

...В парке в этот печальный зимний день было грустно и холодно. Он сидел на скамейке, долго глядел на обнажённые деревья и наконец прошептал:

— Что же делать, господа? Что делать?

— Кричать «хайль Гитлер»...

Мюллер вздрогнул. На скамейке, рядом с ним сидел какой-то оборванец и нагло ухмылялся.

— Чему вы смеётесь? — спросил Мюллер.

— Мне можно. Я чех.

Мюллер встал и быстро пошёл по аллее, вглядываясь в сумерки, нет ли поблизости шуцмана.

В конце аллеи рабочие распиливали подгнившее дерево.

— Послушайте. Там, на аллее, подозрительный тип. Чех. Ругает немцев. Сбегайте за шуцманом.

Рабочие продолжали пилить бревно, а один из них сказал:

— Мы не можем. Мы норвежцы.

Мюллер зашагал к белому домику парковой сторожки, ногой толкнул дверь и сразу же крикнул:

— Я вас спрашиваю: есть ли в этом парке немцы?

Опрятный старик встал из-за стола и мягко объяснил:

— Бывают. Но очень редко. Видите ли, они решили совершить прогулку на Восток. И что-то там загулялись.

— Сейчас у вас в парке какой-то чех открыто бранил немцев. Я попросил рабочих позвать шуцмана, а они говорят: «Мы норвежцы».

— А вы обратились не к тем норвежцам. Тут надо бы к Квислингу...

Мюллер понял, что старик над ним глумится, и взревел:

— А вы кто такой?

— Я датчанин.

Мюллер побежал к воротам парка. Они уже были заперты. Тут же под зонтом сидела какая-то мрачная фигура с охотничьим ружьём.

— Откройте.

Фигура замычала что-то отрицательное. Мюллер по-хозяйски протянул руку к засову ворот. Фигура щёлкнула курком.

— Вы что, идиот? — вспылил Мюллер.

— Я румын.

И вдруг фигура сказала довольно сносно, видимо, единственно хорошо заученную по-немецки фразу:

— Марш, скот, или застрелю!

Аргумент был веский. Но что же делать? Холодно, темно, сыро. Но вот нашёлся выход: под стеной было отверстие для сточных вод. Мюллер встал на четвереньки и полез под стену. Просунув голову на улицу, он чуть не вскрикнул от радости. В двух шагах от него стоял шуцман. Он бросился к Мюллеру, поднял его за воротник.

— Благодарю вас,— протянул ему руку Мюллер.

Но шуцман легко повернул его вокруг оси и дал ему коленом под зад. Мюллер вскипел:

— Что вы делаете? Я фабрикант Мюллер! Я ветеран прошлой войны!

За войну Мюллер получил в ухо.

— Вы понимаете, что вы делаете?

— На почве контузии я ненормальный. В полиции всё разберут,— сказал полицейский.

...Начальник полиции очень сочувствовал господину Мюллеру. Старики разговорились.

— Ну что я могу сделать с такими полицейскими? Калеки. А что касается иностранцев, то они сейчас обслуживают Германию. Они в шахтах, на заводах...

— И даже в семье,— вторил ему Мюллер.— Моя жена увлекается французским языком...

— А моя поёт итальянские оперы. Вообразила себя певицей, старая дура. Сапоги теперь я чищу себе сам, потому что мой денщик — концертмейстер миланской оперы. Они всегда поют... Сижу здесь день и ночь, только бы не слышать этого кошачьего визга. Что же делать, господин Мюллер?! Что делать?

— Что делать? — уныло повторил Мюллер. — Французские баккалавры изящных наук! Итальянские баритоны! Диверсии! Саботаж! Сумасшедший дом! Наша Германия — вавилонская башня, — языки уже смешались. Скоро и башня полетит к чорту!..

— Тише! Не говорите так громко! — сказал старый полицейский.

И, подумав, немного, решительно сказал:

— А этих проклятых иностранцев мы еще скрутим!

— Скрутим ли?

В. СУХАРЕВИЧ

Нетудыкин

ПИСАТЕЛЯ Нетудыкина знаете?

Может, вы его когда-то и знали. Но, надо полагать, успели забыть. Да и не мудрено: Нетудыкин—такой писатель, который не пишет.

Были часы. Когда-то они показывали время. Ими дорожили, их ценили. Часы возгордились. От похвал у них закружилась пружина. Они стали равнодушны и небрежны. С каждым днём всё более отставали. А потом и вовсе остановились.

А так посмотреть—часы, как часы. И крышка малость позолоченная. И на циферблате все двенадцать цифр. И стрелки в полной сохранности.

Но как обманчива внешность! Эта красивая вещичка уже не вправе называться часами. Сердце не бьётся, и стрелки не двигаются...

Нетудыкин продолжает считать себя писателем. На каком основании?

На основании справки номер такой-то, выданной Союзом писателей.

А какую, разрешите полюбопытствовать, литературную продукцию он дал стране за годы Отечественной войны?

Десятка полтора горячих, взволнованных заявлений в Литфонд—вот всё, что он успел написать за 1941—1943 годы.

Часы давно испортились и перестали показывать время. Надолго ли? Неизвестно. Во всяком случае, они нуждаются в хорошей критической чистке...

Встретил я Нетудыкина в суровые сентябрьские дни 1941 года. Он был небрит, взъерошен, в грязном воротничке.

— Что вы сейчас пишете, товарищ Нетудыкин?— спросил я его.

Почесав затылок, он ответил:

— Немцы заняли Минск.

Я сразу догадался, над чем работает писатель.

— Вы пишете о Минске, о Белоруссии. Статью или рассказ?

Он посмотрел на меня, как на профана и простака:

— Вы что, шутите? Как можно сейчас писать? Как можно сейчас спокойно заниматься творческой работой? Обстановка не та.

Я попробовал возразить:

— Но ведь именно сейчас должен громко звучать твёрдый голос советского литератора. Ведь вот другие писатели не сидят сложа руки.

Он презрительно фыркнул:

— Я же не газетчик...

Надиях случай опять свёл меня с Нетудыкиным. Он был хорошо выбрит, в чистом воротничке и в прекрасном настроении.

— Что вы сейчас пишете, товарищ Нетудыкин?— спросил я его.

Он ответил, не задумываясь:

— Части Первого Украинского фронта подходят к Виннице. Какие замечательные дела! Вы посмотрите на карту — приближаемся к Новоград-Волынску. Чудесно! Чудесно! Сегодня, я думаю, опять будет салют. У меня сейчас такой подъём!

— Рассказ или повесть?—спросил я.

— А? Что? Да разве можно сейчас сесть спокойно за стол!

— Спокойно — не надо.

— Я не могу сейчас писать. Обстановка не та. Такие события! Нельзя сосредоточиться. Вот когда всё уляжется, устоится... Вот возьмите, к примеру, хотя бы такой факт: Адам и Ева в райском саду. Когда оне было? Давненько. Столько времени прошло! А настоящего художественного произведения на эту тему до сих пор нет. Почему? Материал ещё не улежался, не устоялся. Торопиться нельзя. А вы хотите, чтоб я сегодня писал о текущих событиях! Я не газетчик. Не могу размениваться на мелочи...

Что же он считает мелочами?

Эх, ты, Нетудыкин!

Г. РЫКЛИН

ФРИЦ-ДИАЛОГ

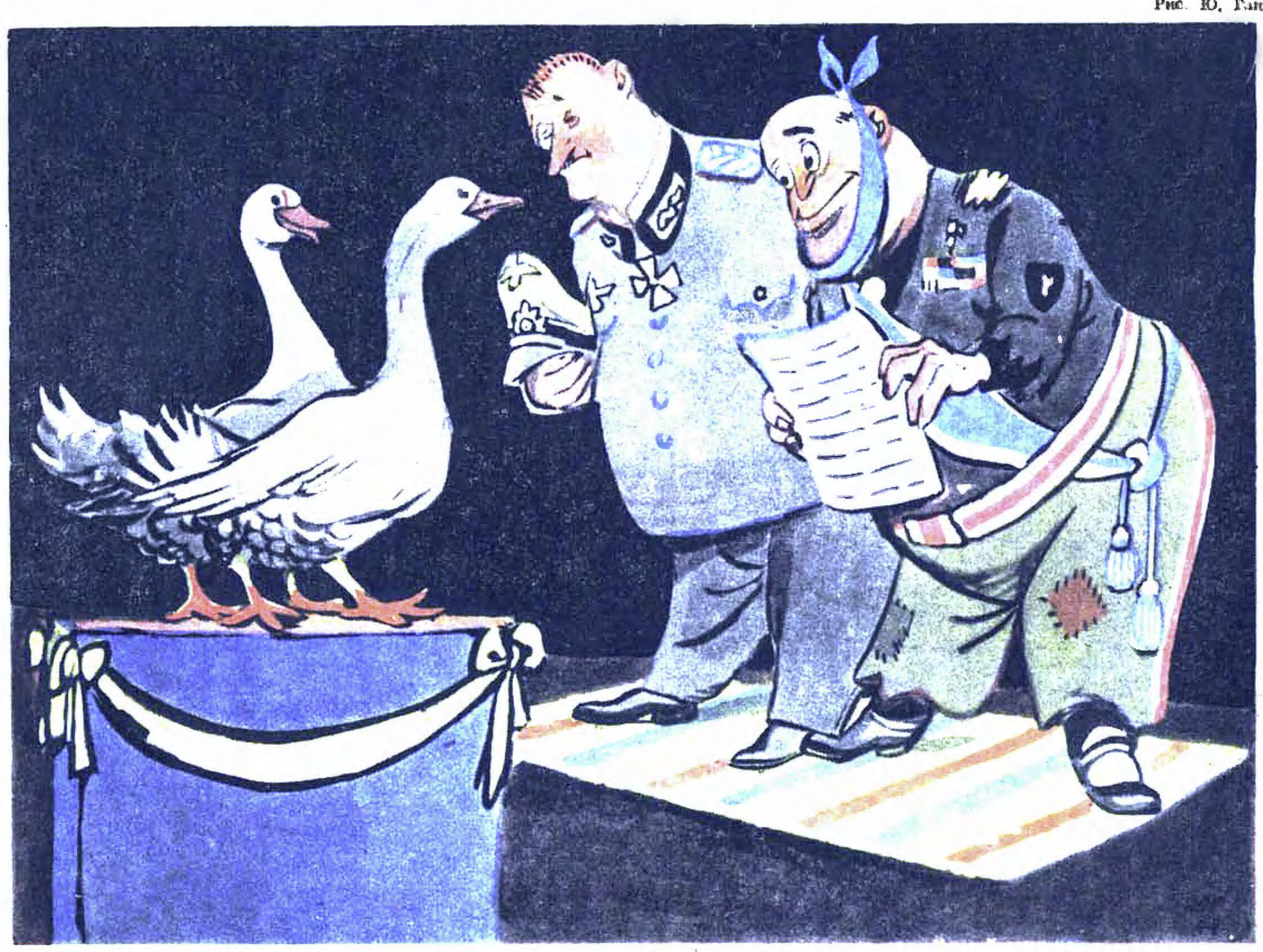
— Ой-ой, ой-ой, какая боль!
Ты наступил мне на мозоль.
— Доволен будь, башка тупая!
Я, значит, всё же наступаю!!!

Г. ТРАВИН

Действующая армия.

МУДРЫЕ ГУСИ

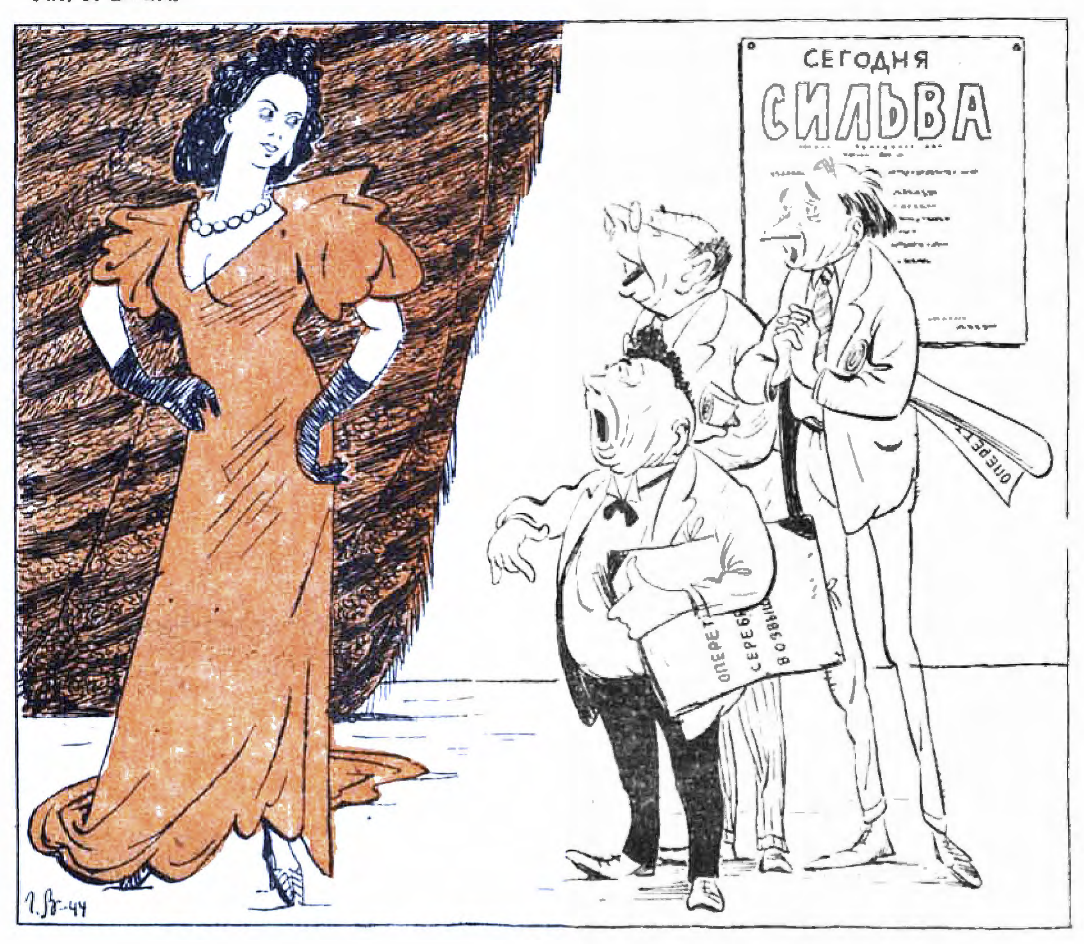
Рис. Ю. Ганфа

— Пожалуйста, многоуважаемые гуси, окажите любезность: спасите Рим ещё раз.

— От кого — от вас? Так дело уже намази.

Рис. Г. Валька

АВТОРЫ НОВЫХ ОПЕРЕТТ: — Сильва, ты меня погубишь!..

В ТРАМВАЕ

Дарья Лукинишна везла на Васильевский остров племяннице кошолку картошки с собственного огорода. Но не отъехала она от дома и пяти остановок, как объявили обстрел района. Из трамвая всех высадили, и Дарья Лукинишна битых четыре часа простояла под воротами большого дома. Усталая, она снова поплелась к трамвайной остановке, чтобы ехать обратно домой. Трамваи шли переполненные, и она с трудом втиснулась в вагон.

— Что за народ пошёл, без толкучки не может!—ворчала она, не замечая того, что сама локтем пнула одного соседа в бок, другому наступила на ногу, толкнула в спину третьего.

Все пассажиры казались ей суматошными и лерaкими, и она была готова в любую минуту ринуться в жаркую перебранку. Но никто не давал к тому повода, и это ещё больше раздражало Дарью Лукинишну.

В сумке у неё лежали несколько пятнадцатикопеечных монет, но она нарочно вынула тридцатку и резко протянула её кондукторше: «До Сенной еду»,— и вызывающе взглянула ей прямо в глаза, мол, только скажи, что нет сдачи, я тебя так отчитаю — до нового года будешь помнить.

Кондукторша, краснощёкая девушка с веснушками на широком носике, быстро отсчитала сдачу и вложила деньги прямо в ладонь сердитой пассажирке.

В вагоне было тесно, и Дарья Лукинишна с раздражением думала о том, что вот никто не уступит старухе места, ну и народ пошёл!.. Она уже было открыла рот, чтобы высказать вслух своё негодование, как вдруг сидевший военный моряк быстро поднялся и уступил Дарье Лукинишне место. Она села и сердито сказала:

— Могла бы и постоять, мы старой закалки, это нонешние на ноги слабы...

Дарья Лукинишна отвернулась к окну и, вспоминая, как прошёл день, раздражалась всё сильней. Ей не нравилось, что в трамвае орёт ребёнок — нашли время ребят по гостям возить; её выводил из себя белобрысый лейтенант, который застенчиво, но нежно прижимал к себе локоть худенькой девушки; ей казалось, что кондукторша не объявляет остановок, и собиралась крикнуть ей: «За что, не пойму, людям деньги платят!»,— как девушка звонким голосом оповестила:

— Никольский! Вам, гражданка, сходить на второй остановке, советую пробираться к выходу. Граждане, пропустите мамашу...

Дарья Лукинишна глотнула воздух, чтобы ответить: «Не твоё, мол, дело, что ты мне указываешь, тоже мне милиционер»,— но пассажиры уже расступились, освобождая старухе проход, и Дарье Лукинишне ничего не оставалось, как встать и двигаться к выходу. Она уже приготовилась пробивать себе путь гневными окриками: «И чего пхаешься? Я вот сейчас тебя так пну, не обрадуешься!»— но пассажиры учтиво давали ей дорогу, и не успела она рта раскрыть, как очутилась на передней площадке.

В этот момент где-то грохнуло. Кто-то тихо сказал:

— Наверное, снова обстрел...

Дарья Лукинишна, хотя и не боялась обстрела, однако ввязалась:

«Мол, что за безобразие, обстрел района, а трамвай не останавливают, вот народ нынче пошёл...

Но кондукторша весело крикнула:

— Не волнуйтесь, граждане, это наши бьют.

Трамвай подошёл к остановке, и Дарья Лукинишна стала сходить. Её заботливо поддержала чья-то крепкая рука. Это вконец вывело её из себя:

— Что я — маленькая? Вот помру, тогда и выносите. Прямо житья нет в трамвае. Ну и народ нынче пошёл!..

Она долго стояла на остановке и ворчала на трамвайные порядки.

Д. РУДНЕВ

Ленинград.

БЕЗ НАМЕКОВ...

СЧАСТЛИВЫЙ ВИТЯ

Недавно Чернохолуницкий металлургический завод послал в Москву, в Наркомат чёрной металлургии, телеграмму с отчётом о производстве чугуна. Не прошло и трёх дней, как телеграмма долетела в Москву:

«ОТЧЕТ МОСКВА ПЛАНОВЫЙ ГЛАВСПЕЦСТАЛЬ СДАЛ ТЕРАПИЮ ОТЛИЧНО ПОЛУЧИЛ БЛАГОДАРНОСТЬ ЛЕПОРСКОГО ЦЕЛУЮ ВИТЯ»

В Наркомате прочли и удивились. Действительно, уйдя с головой в медицину, Витя ни словом не обмолвился о производстве чугуна, а ещё получил благодарность Лепорского. Стыдно, Витя!

Что же произошло?

Почтово-телеграфные юмористы — начальник Чернохолуницкого отделения связи Ласточкин и заведующий Омутнинским отделом связи Рябов, привлекавшие и раньше внимание любителей занимательного чтения, на этот раз, блистательно перепутав телеграммы, обрадовали Наркомат чёрной металлургии сообщениями о выдающихся успехах таинственного Вити.

В следующий раз можно освежить репертуар. Можно передать, скажем, такое:

«СИДИМ НА РАБОТЕ ВАЛЯЕМ ВАНЬКУ ЦЕЛУЕМ ЛАСТОЧКИН РЯБОВ».

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ ПОСТУПОК

Вот уже две недели, как в Крокодиле неспокойно. Придя на работу, секретарь редакции судорожно хватается за почту, но, увы, ожидаемого письма из Красноуральска, от З. М. Коростелёвой, всё нет и нет.

А между тем нам точно известно, что с тов. Коростелёвой несправедливо поступили. Заведывала она столовой для детей рабочих и служащих Красноуральского медьзавода. Заведывала в меру своих сил и способностей. Разбазаривала продукты столовой налево и направо. Преуменьшала нормы питания. Экономила масло, сахар, жиры, муку, чем и достойно отметила день своего рождения.

А Медьпродснаб, не подумав, перевёл Коростелёву на другую работу: заведывать пошивочной мастерской завода.

Значит, теперь Коростелёвой нужно переквалифицироваться. Придётся экономить пуговицы, нитки, подкладку и т. п. А как организуешь именины или другой юбилей?

Бедная тов. Коростелёва!

ПРИВЕТ, ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ!

Что может быть трогательнее тесной связи производителя и потребителя? Как приятно, когда такая связь устанавливается! И как жаль, когда попытка установления этой связи срывается по чисто объективным причинам.

Так например много потребителей — на фронте и в Москве — мечтают связаться с директором московской карандашной фабрики имени Сакко и Ванцетти и горячо поблагодарить его за карандаши «Павлин» и «Радуга».

Но сделать этого они не имеют никакой физической возможности. Дело в том, что они имеют в своём распоряжении для написания этих благодарственных писем только два сорта карандашей и именно «Павлин» и «Радуга». А написать что-либо этими карандашами совершенно невозможно: при первом же нажиме они ломаются и крошатся.

Тут-то и начинается заколдованный круг! Качество продукции не даёт возможности поблагодарить за качество продукции.

Однако, как видите, идя навстречу многочисленным пожеланиям, Крокодил взял на себя осуществление тесного контакта между потребителем и производителем и шлёт директору фабрики Дмитрию Александровичу Потешину от имени этих потребителей самый жаркий привет!

КРОКОДИЛОВЫ СЛЕЗЫ

НУЖЕН ШЕКСПИР

Нет, обычными человеческими словами этой трагической истории не передашь.

Тут нужен Шекспир. Только он, Вильям Шекспир, мог бы описать трагедию, разыгравшуюся в Киргизской республиканской конторе Сельхозснаба.

В самом деле, то, что произошло в Сельхозснабе, может сравниться разве только с трагедией какого-нибудь короля Лира.

Бедный Сельхозснаб! Бедный и обманутый!

Подумайте только, какое гнусное преступление совершил Карабалтинский завод против мирного, ничего не подозревавшего Сельхозснаба: ещё в июне завод изготовил 700 комбайновых деталей и 400 возовых втулок. То, что завод изготовил эти сельскохозяйственные части, было бы с полбеды, но заводу этого было мало: он натравил ещё на Сельхозснаб колхозы и машинно-тракторные станции: «Требуйте, мол, у Сельхозснаба запасные части!»

И пошло. Завод предлагает Сельхозснабу забрать из цехов готовые детали. Колхозы и МТС до сих пор обивают пороги конторы Сельхозснаба и ждут — не дождутся, когда им, наконец, выдадут эти детали. Кого раньше слушаться? Как поступить?

Где найти слова, чтоб описать всё это? И кто возьмёт на себя этот непосильный труд?

Нет, что ни говорите, а тут нужен Шекспир!

ЗА ЧТО ПОДЛОЖИЛИ СВИНЬЮ?

Выражаем соболезнование главному бухгалтеру Главруды Скорубскому Н. И.: у него убили поросёнка. Правда, живёт главбух в Свердловске, а поросёнка держал почему-то в Брединском совхозе, Бакальского рудоуправления. Тут, в совхозе, его и убили. На мясо. Люди рассуждают наивно: «Мы вскормили — мы и убьём». Но иначе думает Г. Острый, заместитель управляющего Бакальского рудоуправления. Он написал директору совхоза Клешеву:

> «Принадлежащий главному бухгалтеру Главруды тов. Скорубскому Н. И. поросёнок 8-ми месяцев по ошибке заколот в октябре месяце на мясо. Взамен этого поросёнка предлагаем из числа имеющихся у вас поросят заколоть одного упитанного поросёнка мёртвым весом 3½ — 3¾ пуда, разделить на 4 окорока и прочие изделия. Засолить и закоптить, а также сделать сельтисон и колбасу из головы и использовать для этой цели субпродукты. Окорока и другие изделия, полученные из туши поросёнка, упакуйте в плотную, хорошую тару (крепкий ящик) и отправьте багажом в Москву на имя Скорубской Валентины Михайловны...
>
> Если для отправки багажа потребуется покупка жел.-дор. билета, купите бесплацкартный билет за счёт тов. Скорубского. Балансовую стоимость забитого поросёнка отнесите на счёт взаиморасчётов с ОРС'ом и вышлите нам авизо».

Нет, эти чёрствые люди из Бакальского совхоза не выслали ни поросёнка, ни авизо. Вместо этого вам, тов. Скорубский, подложили свинью. Они сообщили нам, что поросёнок — это ещё не всё. Они пишут, что вы брали в совхозе и овощи, и пшено, и другие продукты. Понимаете? Мало того, что убили поросёнка, ещё и на вас руку заносят.

ОБИЖАЮТ

Ах, как нам жаль вас, дорогой товарищ Воронин! Обижают вас, начальника Чувашского управления Наркомсвязи. И кто обижает! Ваши же подчинённые. И как обижают! Пытаются критиковать вас в стенгазете!

Правда, вы своевременно вызвали к себе этих дерзких товарищей— секретаря парторганизации и членов редколлегии. Вы ясно заявили им, что вас стенгазета не имеет права трогать, ибо вы — начальство! Вы ясно дали им понять, что имеете полное право безнаказанно кричать на подчинённых и что в стенгазете об этом не должно быть ни слова, как вообще не должно быть ни слова о вашей личности. Иначе говоря, вы сделали всё, что нужно для поддержания своего престижа. Но редколлегия ответила вам чёрной неблагодарностью!

Правда, ей пришлось снять заметку, обвиняющую вас в неумелом и грубом руководстве. Но они нашли иной способ коснуться вас в той же стенгазете. Ведь заметка, которою заменена неугодная вам статья, называется «Все на лыжи!» Какая крамола! Если вы, по своему добродушию, не видите этой крамолы, мы поможем вам. Вдумайтесь, товарищ Воронин. Заметка называется «Все на лыжи!»

А раз все,— значит, и вы. Значит, вас всё-таки косвенно коснулись в стенгазете. Коснулись, несмотря на ваше категорическое запрещение.

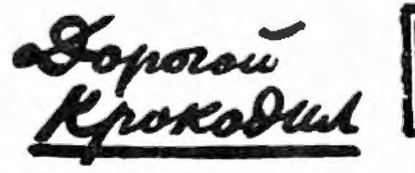
Выражаем вам глубочайшее соболезнование. И тихо отираем набежавшую слезу.

У СЛЕДОВАТЕЛЯ

Рис. Б. Фридкина

— Не понимаю, почему картошка замёрзла. Ведь она у меня вся в мундире.

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Поздравляю тебя с наступившим Новым годом, Днём Красной Армии, Международным днём работницы, Первым мая, 27-й годовщиной Октября, а также с наступающим Новым, 1945 годом.

Мне вовсе не трудно было бы это сделать, так сказать, в розницу, но традиции нашей полевой почты заставляют меня заглянуть в будущее, дабы не оказаться перед тобой невежливым.

Ведь доставляются же мне письма от родных по мере накопления, в среднем не менее двух десятков зараз. И я после бесконечных волнений узнаю, наконец, всё о жизни родных сразу за несколько месяцев. А наднях старшему лейтенанту Гехту сразу вручили 71 письмо от матери. Эти письма охватывают период с мая по октябрь.

Вот и приходится волей-неволей приноравливаться к работе нашей полевой почты и искать выхода.

Мне кажется, я его нашёл.

Капитан Г. ФИРСОВ

Полевая почта 95907 И.

•

Дорогой Крокодил!

Если ты будешь в Астрахани и тебе удастся получить номер в тамошней гостинице, ни в коем случае не разрешай убирать его.

Я был в Астрахани. Я получил после долгих мытарств номер в гостинице. Я опрометчиво разрешил... Но, давайте всё попорядку.

Наконец, ключ от номера у меня в руках. В сопровождении уборщицы, которой приказано администрацией убрать номер, я шествую к заветной цели. Раскрывается дверь. Передо мной, как мираж, возникает уютная комната. На кровати чистое, тёплое одеяло. Мягкий, пушистый ковёр ласкает взор. На окнах белые занавески. На столах и тумбочках белоснежные скатерти и салфетки. Как будто и убирать нечего.

Но нет. Заботливая уборщица ловко сдирает одеяло, простыни, наволочки. Быстро сворачивает ковёр. Молниеносно снимает занавески, скатерти, салфетки. Из рукомойника исчезает ведро. Как сразу стало неуютно, серо, пусто! Но ничего. Через несколько минут снова всё засияет чистотой. Потерплю — подожду. Жду десять минут, полчаса, час, сутки. Уборщицы нет. Одеяла, простынь, наволочек, скатертей, салфеток тоже нет. Ничего нет. Есть только исчерпывающее объяснение администрации, что чистота и уют—для жильцов особой категории.

Вот так номер с номером в астраханской гостинице!

Капитан Б. ЦЕЙТЛИН

На скользкую тему

Рис. И. Семёнова.

ЛЫЖНАЯ ПРОГУЛКА РАЗВЕДЧИКА ИВАНОВА

1. Туда...

2. ...и обратно.

Фриц подготовился к лыжному сезону.

Первые шаги.

Прыжки с лыжами очень опасны,

Редакционная коллегия: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём отведн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 80 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП (б) „Правда“.

Москва. Изд. № 63. Подписано к печати 17/I 1944 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

А3858. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 16. Тираж — 100 000 экз.